

РОЗДІЛ II

Всесвітня історія

УДК 271.2-36«11»

Сергей Рассадин

К вопросу об истинной исторической роли Евфросинии Полоцкой

В статье анализируются некоторые источники об Евфросинии Полоцкой, а также соответствующая историография. Делается вывод о практическом неучастии Евфросинии Полоцкой в политике. На этом фоне особенно ярка её роль как духовной просветительницы, организатора монастырской церковной жизни.

Ключевые слова: духовность, политизация, святая.

Постановка научной проблемы и её значение. Евфросиния Полоцкая – едва ли не самая популярная святая в современной Беларуси. Но в фундаментальном труде Е. Е. Голубинского она упомянута среди «Киевских святых» [1, с. 211]. Полагают, что в Киево-Печерском монастыре её мощи пребывали, начиная уже с 1187 г., тогда как в Полоцк, где в 30–60-х гг. XII в. и протекала деятельность преподобной, они были перенесены лишь в 1910 г. [2]. Является спорным, что же в её наследии доминирует: значение религиозно-культурное или же политическое?

Анализ исследований и публикаций по данной проблеме. В современной белорусской историографии этой древнерусской святой приписывается политическая роль: «Укрыўшыся за манастырскімі сценамі, асветніца была своеасаблівым сцягам змагання палачан за незалежнасць» [3, с. 66–67]. М. О. Шкелёнком же в своё время подчёркивалась её другая деятельность: «Hetkija kultumyja tyru, jak... Pradsłva-Afrasińnia, ...vielmi redkija i ŭ ahulna-eŭropejskim maštabie» [4, с. 17]. Но Н. И. Ермолович превратил её, походя, в политбеженку (см. ниже).

Задачи исследования. Итак, во-первых, попытаемся установить источник этих ошибочных представлений, и, во-вторых, представить иную – объективную – реконструкцию соответствующих исторических обстоятельств.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Полоцкую династию, к которой и принадлежала наша преподобная, постигли две катастрофы, случившиеся, согласно уточнённой хронологии, в 1127/8 и 1129/30 гг. Сперва великий князь киевский Мстислав Владимирович пошёл на них во главе мощной коалиции: «по количеству участвующих войск это был беспрецедентный поход в истории Полоцкой земли домонгольского времени» [5, с. 13]. Его цель – собственно, аннексия всей этой земли [6, с. 109]. Объявленные «Рогволодовичами», – т. е., квази-Рюриковичами, – они были отправлены к Алексею I Комнину: «Того же літа поточи Мьстиславь князи Полотцкіе Царюграду, и со женами и съ дѣтми ...пославъ по Кривскіе князи, по Давыда, и по Ростислава, и Святослава, и по Рогволодича два, по Василія и по Ивана, и въсаждавъ ихъ въ лодіи поточи ихъ ко Царюграду, за ослушаніе ихъ, и по городомъ ихъ посажа мужи своя» [7, с. 28–29]. Вопреки Воскресенской летописи Н. И. Ермоловичем бездоказательно утверждалось о Василько Святославиче: «ён разам з сястрой Прадславай (Ефрасінінай Полацкай) унік высылкі і быў дзесці блізка, верагодней за ўсё ў Літве» [8, с. 189–190]. Но она в XII в. центром белорусской политэмиграции явно ещё не была. Н. М. Карамзин среди высланных в Византию назвал и этого Василька, а Х. М. Лопарёв – также Предславу-Евфросинию [9, с. 175; 10, с. 434].

Как политический деятель преподобная представлена на страницах гендерной истории: «по мнению В. Л. Янина, Евфросинья и по принятии схимы значительное время сохраняла всю полноту светской власти», так как «при раскопках Полоцка и древнего Кукейноса... были найдены три

личные княжеские женские печати», на одной – якобы, «её погрудное изображение» [11, с. 36]. Но, вопреки Н. Л. Пушкарёвой, у В. Л. Янина говорится об изображении не владелицы печати, а её небесной покровительницы. Место находки им также указано, и это Новгород, а не Полоцк. Наконец, у В. Л. Янина речь идёт не о Евфросинии, «вечной княжне», а об её матери, обладавшей соответствующим статусом: «полоцкая княгиня не сидит в женской половине княжеского дворца и даже в монастыре ей нет покоя, она сноится с отдалёнными землями и правит Полоцком» [12, с. 17, 19; 13, с. 234].

«Полоцкий матриархат» опротестован Л. В. Алексеевым: «подобных случаев – русская история не знает, больше того: южнорусские князья никогда бы этого не допустили! ... Нам остаётся заключить, что занимаясь этой проблемой, В. Л. Янин упустил, что Василько упоминается в летописях как полоцкий князь не только в 1132 г., но и в 1138 г., когда он встречает новгородского изгоя Всеволода, едущего в Псков. В 1139 г., несомненно, он помогает борьбе Мономаховичей с Ольговичами (чего не могло бы быть при «матриархате», а в 1143 г., по возвращении полоцких княжичей (они получали полоцкие столы), он выдаёт свою дочь Васильковну за сына Всеволода Ольговича. ... Где же здесь место для «полоцкого матриархата»?!» [14, с. 58–59].

Позиция его сторонников осложняется и тем, что часть этого «матриархата», датируемого ими 1130–50-ми гг., могла приходиться на Предславино детство, прошедшее, возможно, вне Полоцка и вообще Руси. По В. Л. Войтовичу, она «народилася до 1130 р. чи, може у вигнанні у Візантії і там прийняла чернецтво під іменем Євфросинії» [15]. Исходя из предположения, что малой родиной Евфросинии Полоцкой была именно Византия, можно несколько иначе, чем И. А. Чудинова, объяснить, почему в старости она отправляется в последнее своё путешествие [16, с. 177–178]». Дело не столько в её тяготении «к Византии и Константинополю, мыслимому столицей вселенского православия», а в простой ностальгии по стране далёкого детства?

Сторонники политической роли преподобной исходят из более ранней даты её рождения, что позволяет полагать достижение ею совершеннолетия на момент упомянутой высылки. «Наиболее вероятно, что появление Предславы на свет произошло в период с 1106 по 1109 г.», – утверждает Л. Е. Морозова. Но доверие к её хронологии подрывает другое утверждение: «есть её имя и в Никоновской летописи, под 1071 г. [17, с. 365, 367]. На самом деле там Евфросиния упоминается под 1563 г., в описании полоцкого похода Ивана Грозного [18, с. 347]. По В. Б. Перхавко, «полоцкая летопись не сохранилась, а в других древнерусских летописных сводах нет ни одного упоминания о преподобной...». Им же предполагается Евфросиньино участие в княжеских конфликтах [19, с. 31–37]. Но В. Б. Перхавко при этом основывается на публикации Н. С. Серёгиной, обнаружившей и атрибутировавшей древнейший список канона из певческого цикла об этой святой, который датируется концом XII в. «В каноне, – подчёркивает она, – содержится историческая информация: «князем сродником друг на друга держащее подъяти меч возбранила еси, яко оружие обоюдоостро словесем божим устрашающем» [20, с. 52–53]. Но отразил ли этот канон какие-то реальные княжеские междоусобицы? Их прекращение – одна из функций древнерусского святого княжеского рода, например Бориса и Глеба. Её и запечатлели посвящённые им певческие каноны [21, с. 176]. Интерес представляет вывод Е. М. Вороновой о влиянии Борисоглебского цикла. «По-видимому, – считает она, – здесь надо говорить о том, что комплекс Сказания Борису и Глебу и служба им был повторен для комплекса Житие Евфросинии Полоцкой и служба ей» [22, с. 13–14]. Итак, древнерусский евфросиньевский канон в качестве свидетельства прямого участия преподобной в тогдашних междукняжеских «разборках» рассматривать, конечно, нельзя. Морально-этическая позиция игуменьи Евфросинии чётко зафиксирована в её Житии, первая редакция которого была создана примерно тогда же, что и певческий канон [23, с. 633]. А в нём речь идёт не об одних только политических, а о конфликтах вообще, вплоть до бытовых: «так бо бяше дан дар сей блаженной Еуфросинии от Бога, аще кто яе въпрошаше о коей вещи, она ему разрешаше, чему быти, и кто ея послушаше, той добро получаше, не бо хотяше видети кого котораюшася: ни князя со князем, ни боярина з боярином, ни от простых кого со своим другом, но всех хотяше имети, яко едину душу» [24, с. 177].

Заслуживает рассмотрения ещё один вопрос. Обратим внимание на один эпизод паломничества преподобной Евфросинии, также по её Житию: «И тако пришедшее въ страны, и срѣте ю царь, идыи на Угры, съ великого честію, посла ю в Царьградъ». По Л. В. Алексееву, этот «царь», то есть, Мануил I Комнин, где-то в 1163–1164 гг., поскольку именно так и датируются его походы на венгров, по-

видимому, дал ей тогда воинское сопровождение до самого Константинополя. «Император, – полагал он, – принял полоцкую игуменью, давно знакомую ему заочно, родственницу... со всем радушием» [25, с. 59–60]. Евфросиньным родичем считает его и В. А. Орлов, у которого значится: «яе сваяк візантыйскі кесар Мануіл». У него же выходит, что этот византийский император, якобы, приходился полоцкой игуменье двоюродным племянником по линии своей матери, так как первая доводилась внучкой Всеславу Брючславичу Полоцкому, а второй являлся родным внуком Алексея I Комнина. «Візантыйскі імператар Аляксеі Комнін... пабраўся шлюбам з Усяслававай дачкою. Сваецтва полацкай дынастгі Рагвалодавічаў з домам Комнінаў мела далёкія палітычныя і культурныя вынікі», – пишет В. А. Орлов. Надо полагать, что под последним здесь имеются в виду также и контакты Евфросиньи с Мануилом, ведь, как это хорошо известно, первая доводилась внучкой Всеславу Брючславичу Полоцкому, а второй – родным внуком Но у Алексея I Комнина никогда не было некой жены, «дзякуючы якой у жылах у візантыйскіх імператараў бегла крывіцкая кроў» [26, с. 19, 36]. Единственная законная жена Алексея I Комнина, мать всех его детей, хорошо известна – это Ирина Дукина. Отнюдь не полоцкое царичино происхождение засвидетельствовано её собственным зятем Никифором Вриеннием, называющим тещу «благородным плодом» наизнатнейшего византийского рода Дук [27, с. 9–10]. Ложное представление может быть производным от мнения Л. В. Алексеева, но у В. А. Орлова Алексей I Комнин, к сожалению, перепутан с одним из его сыновей-царевичей. В оригинале значится: «в 1106 г. дочь Всеслава выдавалась замуж за сына византийского императора. ... Так, нам кажется, следует объяснять прямые контакты Полоцка с Царьградом, которые происходили не только при Всеславе в XI в., но и при его потомках» [28, с. 7–8]. Есть мнение, что загадочная Всеславна обязана своим появлением Н. М. Карамзину [29]. Действительно, в его генеалогических таблицах самый младший из Всеславовых потомков обозначен так: «дочь (за сыномъ Императора Греческ. Алексія). 1104.» [30, Роспись VII]. Ссылок на какие-либо источники нет. Вполне вероятно, что в его таблицах дочь Всеслава спутана с совсем другой княжной, которая действительно была выдана замуж в Византию и чей её брак засвидетельствован Лаврентьевской летописью значится: «Въ лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за царевича за Олексиничъ, Царюгороду, мѣсяца іулія въ 20» [31, с. 119]. «Мартовский» 6612 г. от сотворения мира, июль, соответствует 1104-му от Рождества Христова, которым у Н. М. Карамзина обозначен брак, якобы, Всеславны. По-видимому, она ошибочно появилась у него вместо дочери Володаря Ростиславича, княжившего в летописном Перемышле [32, с. 5]. Итак, полоцкие князья династических связей с Византией, вероятно, вообще не имели. Но это повышает значение преподобной, показывает её религиозно-культурный авторитет, достигавший международного уровня, отнюдь не благодаря родственным связям.

Для Евфросиньина Жития отмечалось «обилие многочисленных деталей, нигде не расходящихся с тем, что рассказывается в летописях...» [33, с. 52]. «И посла, – говорится в нём, – слугу своего Михаила въ Царьградъ къ цареви, нарицаемому именемъ Мануилу, и къ патриарху Луцѣ съ дары многоцѣнными, просящее отъ него иконы святыя Богородицы, еже бѣ евангелистѣ Лука написана еще при животѣ святыя Богородицы, и постави едину во Іерусалимѣ, а другую въ Царѣградѣ, а третью въ Ефесѣ; она же с прилежаніемъ прошаше Ефескія иконы святыя Богородицы. Видѣвъ же царь любовь ея, и посла в Ефесъ семьсотъ оружниковъ своихъ, и шедшее, принесоша икону святыя Богородицы в Царьградъ. Патриархъ же Лука, собравъ епископы и соборъ весь во святую Софію, и благословивъ, дасть ю слугѣ преподобныя Евфросиніи». Речь, конечно, не об оригинале, написанном, по преданию, евангелистом Лукой. О. Е. Этинггоф считает, что на выбор названия этой иконы повлияло перенесение в столицу в конце царствования Мануила I камня, на котором возлежало после снятия с креста тело Спасителя, именно из Эфеса. Вместе могли отправить и список с Эфесского образа Богородицы [34, с. 20].

Известно, что, сделавшись в 1157 г. вселенским патриархом, Лука Хрисоверг активно вмешивался в дела русской церкви, находившейся под его юрисдикцией. Так, он отказал в его просьбе самому великому князю владимирскому учредить в его стольном городе отдельную митрополичью кафедру, что следует из сохранившейся «Грамоты великого патриарха Луки ко князю Ондрию Ростовскому Боголюбскому», датированной 1160 или 1168 г. По М. В. Бибинову, Византия упорно стремилась усилить свой контроль над русской церковью, и оказывать, через духовную сферу, политическое влияние на русских князей» [35, с. 110–112]. В контексте этой политики следует, по-видимому, рассматривать также акт дарения априорно высокостатусной византийской иконы, отправленной патриархом Лукой в Полоцк. Можно допустить также, что в определённый момент

венгерского похода императору Мануилу I Комнину было доложено о прибытии, в качестве паломницы, высокопоставленной и влиятельной игуменьи из этого отдалённого русского города, ему, тем не менее, уже известной. Аудиенция, данная ей императором, была, по-видимому, актом той же самой византийской политики, а отнюдь не проявлением родственных, или каких-либо других личных Мануиловых чувств.

Заслуживает внимания точка зрения В. Д. Сарабьянова. «Между тем, – пишет он, – представления о преп. Евфросинии как о просветительнице, хотя и общепринятые, обычно опираются исключительно на данные её жития и церковное предание, поскольку никаких материальных свидетельств – сочинений, высказываний, поучений, рукописей, говорящих о её просветительской деятельности, до наших дней не сохранилось. Однако именно такой материал дают нам теперь фрески Спасской церкви, построенной и расписанной при непосредственном участии самой преподобной». Изучение этого фрескового ансамбля дало основание для следующего, несомненно важного в данном случае, вывода: «Можно сказать, что вся жизнь преп. Евфросинии была связана с миром книг, а образ святого, распространяющего книжную премудрость и слово Божие, приобретал для неё особое, личностное отношение» [36, с. 79–80].

Фрески, помимо этой искусствоведческой, подверглись ещё и произвольной интерпретации В. А. Орлова: «Твар з дугападобними бровами і асабліва вочы намалюваныя настолькі пранікнёна, з такой жыццёвай пераканаўчасцю, што міжволі ўзнікае думка: перад намі не святая, а рэальная зямная жанчына. ...Няма нічога дзіўнага ў тым, што некаторыя даследчыкі ўжо даўно называюць гэты фрагмент партрэтам самой Еўфрасінні Полацкай» [37, с. 42–43]. Но в профессиональном комментарии А. А. Селицкого – совсем другие оценки: «в рисунке ощущается некоторая неуверенность. Художник поправляет в линиях сам себя... Ни прямых, ни даже косвенных сведений, что это сама Евфросиния Полоцкая, нигде нет» [38, с. 124]. Оба эти мнения опубликованы, практически, синхронно. А. А. Селицким прокомментирован настоящий фресковый портрет преподобной. «Бесценным открытием, – пишет он, – была ктиторская фреска преподобной Евфросинии с моделью построенного храма. Благодаря хорошо сохранившемуся изображению, удалось реконструировать изначальный внешний вид Спасо-Преображенской церкви с документальной достоверностью» [39, с. 100]. На этой фреске Евфросиния представлена ктиторм, – то есть, основательницей названной церкви, которая и подносится ею Господу Богу. Святая изображена в монашеской одежде (рясе? мантии?), на голове капюшон-куколь. Лик, к сожалению, утрачен, фигура испещрена польскоязычными надписями (рис. 1). Отсутствие нимба указывает на создание данной фрески в середине XII или в начале XIII в., когда почитание Святой Евфросинии Полоцкой только начиналось [40, с. 507–517].

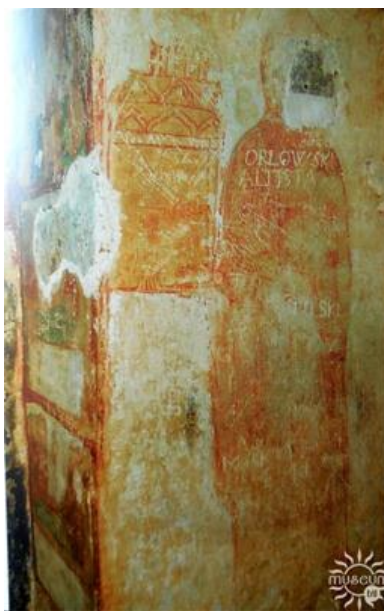

Рис. Ктиторская фреска; Евфросинии Полоцкой

Выводы. Согласно И. А. Чудиновой, «главным свидетельством её святого жития, несомненно, является созидание храмов и основание монастырей, ставших теми зёрнами русской культуры, из которых произросло великое древо русского женского монашества» [41, с. 177]. Таким образом, избавившись от необоснованной политизации Евфросинина наследия, мы приблизимся к пониманию истинной исторической роли преподобной, заключавшейся, по-видимому, в активном продвижении духовных христианских ценностей, «устроении» церковной и монастырской жизни.

Перспективы дальнейших исследований. По нашему мнению, безусловный интерес представляет, в частности, сравнение исторических данных об Евфросинии Полоцкой с таковыми ещё о двух одноименных ей древнерусских женских персонажах, – Евфросиниях Галицкой и Суздальской.

Источники и литература

1. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. – 2-е изд., испр. и доп. / Е. Е. Голубинский. – М. : Университет. тип., 1903. – 594 с.
2. Евфросиния Полоцкая // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М. : Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2008. – Т. XVII. – С. 507–517.
3. Арлоў У. А. Еўфрасіння Полацкая. Евфросиния Полоцкая / У. А. Арлоў. – Минск : Мастацкая літ., 1992. – 220 с.
4. Шкялёнак М. В. Беларусь і суседзі : гістарычныя нарысы / М. В. Шкялёнак. – Беласток : Беларус. гіст. тав-ва / М. В. Шкялёнак, 2003. – 297 с.
5. Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.
6. Рукавишников А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников / А. В. Рукавишников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 2 (12). – С. 99–111.
7. Полное собрание русских летописей, изданных по Высочайшему повелению. – Т. VII : Летопись по Воскресенскому списку. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1856. – 345 с.
8. Ермаловіч М. І. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды / М. І. Ермаловіч. – Минск : Мастацкая літ., 1990. – 364 с.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12-ти т. / Н. М. Карамзин. – СПб. : Тип. Н. И. Греча, 1818. – Т. II. – 584 с.
10. Лопарёв Х. М. Брак Мстиславны (1122 г.) / Х. М. Лопарёв // Византийский временник. – 1902. – Т. IX. – С. 418–445.
11. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси / Н. Л. Пушкарёва. – М. : Мысль, 1989. – 286 с.
12. Янин В. Л. Полоцкий матриархат / В. Л. Янин // Знание – сила. – 1970. – № 12. – С. 17–19.
13. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. – Т. I : Печати X– начала XIII вв. / В. Л. Янин. – М. : Наука, 1970. – 328 с.
14. Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.
15. Войтович Л. В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль : іст.-генеалогіч. дослідж. / Л. В. Войтович. – Львів : Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича, 2000. – 649 с.
16. Чудинова И. А. Преподобная Евфросиния Полоцкая и традиции византийского женского монашества / И. А. Чудинова // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 4 (25). – С. 177–181.
17. Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси / Л. Е. Морозова. – М. : АСТ: Астрель, Харвест, 2009. – 560 с.
18. Полное собрание русских летописей, издаваемое по Высочайшему повелению Археографической Комиссией. – Т. XIII. – 2-я половина. I : Дополнения к Никоновской летописи; II : Так называемая царственная книга. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1906. – С. 303–532.
19. Перхавко В. Б. Преподобная Евфросиния Полоцкая / В. Б. Перхавко // Московский журн. – 2001. – № 7. – С. 31–37.
20. Серёгина Н. С. Певческий цикл о Евфросинии Полоцкой / Н. С. Серёгина // К 1125-летию Полоцка. Конференция «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». – Полоцк, 1987. – С. 52–53.
21. История России с древнейших времен до конца XVII века / Н. Л. Вдовина, Н. В. Козлова, Б. Н. Флоря ; под ред. Л. В. Милова. – М. : Эксмо, 2010. – 768 с.
22. Воронова Е. М. Житийная повесть о Евфросинии Полоцкой как литературно-исторический памятник XII века : автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук по спец. 01.01.01 : Русская литература / Е. М. Воронова. – Л. : Рос. ордена Трудового Красного Знамени гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 1991. – 15 с.

23. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях : междисциплинарные очерки культурных, торсовых, политических связей IX–XII вв / А. В. Назаренко. – М. : Языки рус. культуры, 2001. – 784 с.
24. Повесть жития и преставления святой и блаженной и преподобной Евфросинии, Игумении монастыря Святого Спаса и Пречистой Его Матери, что во граде Полотске // Памятники старинной русской литературы, изд. графом Г. А. Кушелевым-Безбородко. Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлечённые из рукописей Н. И. Костомаровым. – 1862. – Вып. IV. – С. 172–179.
25. Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.
26. Арлоў У. А. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862–1918): Падзеі. Даты. Ілюстрацыі / У. А. Арлоў, Г. М. Сагановіч. – Вільня : Наша Будучыня, 2002. – 170 с.
27. Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской Духовной Академии. Исторические записки Никифора Вриенния. 976–1087. – СПб. : Тип. Г. Трусова, 1858. – 156 с.
28. Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.
29. Всеслав Брячиславич [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
30. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12-ти т. / Н. М. Карамзин. – СПб. : Тип. Н. И. Греча, 1819. – Т. II. – 359 с.
31. Полное собрание русских летописей, издаваемое по высочайшему повелению Археографической Комиссией. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846. Т. I.–I. II : Лаврентьевская и Троицкая летописи. – 267 с.
32. Войтович В. Л. Перша галицька династія / В. Л. Войтович // Генеалогічні записки. – 2009. – Вип. 7 (нової серії 1). – С. 1–25.
33. Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. Кн. 2. – 167 с.
34. Этингоф О. Е. Византийские иконы VI – первой половины XIII века в России : автореф. дис. на соискание учёной степени д-ра искусствоведения по спец. 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура / О. Е. Этингоф. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. – 47 с.
35. Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси / М. В. Бибииков. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 736 с.
36. Сарабьянов В. Д. Мир книжности во фресках Спасской церкви Евфросиньева монастыря. К вопросу о просветительской деятельности преподобной Евфросинии Полоцкой / В. Д. Сарабьянов // История и археология Полоцка и Полоцкой земли : материалы VI междунар. науч. конф. (1–3 ноября 2012 г.). – Ч. II : Спасо-Преображенская церковь в Полоцке. История. Архитектура. Живопись. – Полоцк : Полоцкое книж. изд-во, 2013. – С. 79–103.
37. Арлоў У. А. Еўфрасіння Полацкая. Евфросиния Полоцкая / У. А. Арлоў. – Мінск : Мастацкая літ. – 1992. – 220 с.
38. Селицкий А. А. Живопись Полоцкой земли XI–XII вв. / А. А. Селицкий. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 173 с.
39. Селицкий А. А. Фрески часовни Спасо-Преображенской церкви в Полоцке середины XII века / А. А. Селицкий // Княжа доба: історія і культура. – 2012. – Вип. 6. – С. 99–117.
40. Евфросиния Полоцкая // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2008. – Т. XVII. – С. 507–517.
41. Чудинова И. А. Преподобная Евфросиния Полоцкая и традиции византийского женского монашества / И. А. Чудинова // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 4 (25). – С. 177–181.

Россадін Сергій. До питання про історичну роль Єфросинії Полоцької. Проаналізовано історіографію та основні джерела, які містять відомості про життя й діяльність Єфросинії Полоцької. Зроблено висновок про неучасть Єфросинії Полоцької в політичному житті. Простежено роль святої Єфросинії в духовному житті краю, а також показано її як організатора монастирського життя.

Ключові слова: духовність, політизація, свята Єфросинія Полоцька.

Rassadin Sergey. To the Question of the True Historical role of Euphrosyne of Polatsk. In this article some of the sources about this saint, as well as relevant historiography are analyzed. It is concluded that Euphrosyne practically did not participate in politics. On this background, her role as a spiritual enlightener, organizer of the monastic life of the Church is especially bright.

Key words: spirituality, politicization, saint.

Стаття надійшла до редколегії
10.12.2014 р.